

ЛИРА
ВЕТРОВА

Дачь,
КОТОРУЮ
ТЫ НЕ ХОТЕЛ

Ли́ра Ветро́ва

До́чь, ко́торую ты не хо́тел

«А́втор»

2026

Ветрова Л.

Дочь, которую ты не хотел / Л. Ветрова — «Автор», 2026

— Избавься от него. Нам этот ребёнок сейчас не нужен. Десять лет назад он сказал это, глядя мне в глаза. Мы были молодыми, бедными, напуганными. Но испугался он. А исчезла я. Через десять лет мы встретились снова. Теперь Лев богат, успешен и привык получать всё, чего хочет. А рядом со мной стоит девочка с его глазами. Ему хватает одного взгляда, чтобы понять.— Она моя? — выдыхает он. Я закрываю дочь собой.— У тебя был шанс стать её отцом десять лет назад. Ты сам от него отказался. Он помнит каждое слово, сказанное мне в тот день. Я тоже. Только теперь мужчина, которому когда-то был не нужен наш ребёнок, готов на всё, чтобы вернуть нас обоих. А я не знаю, что страшнее: снова его полюбить или однажды услышать, как моя дочь назовёт его папой.

Ли́ра Ветро́ва
До́чь, кото́рую ты не хоте́л
ДО́ЧЬ, КОТО́РУЮ ТЫ НЕ ХОТЕ́Л
Ли́ра Ветро́ва
16+

Аннотация

— Избавься от него. Нам этот ребёнок сейчас не нужен.

Десять лет назад он сказал это, глядя мне в глаза. Мы были молодыми, бедными, напуганными. Но испугался он. А исчезла я.

Через десять лет мы встретились снова. Теперь Лев богат, успешен и привык получать всё, чего хочет. А рядом со мной стоит девочка с его глазами. Ему хватает одного взгляда, чтобы понять.

— Она моя? — выдыхает он.

Я закрываю дочь собой.

— У тебя был шанс стать её отцом десять лет назад. Ты сам от него отказался.

Он помнит каждое слово, сказанное мне в тот день. Я тоже. Только теперь мужчина, которому когда-то был не нужен наш ребёнок, готов на всё, чтобы вернуть нас обеих. А я не знаю, что страшнее: снова его полюбить или однажды услышать, как моя дочь назовёт его папой.

Глава 1

Десять лет назад Лев сказал мне избавиться от нашего ребёнка. Сегодня этот ребёнок стоял в трёх шагах от него, держал в руках диплом за первое место и сердито пытался убрать со лба выбившуюся тёмную прядь — ровно тем же движением, которым Лев когда-то откидывал волосы, когда они лезли ему в глаза.

Я увидела его раньше, чем он нас. В огромном светлом холле детского центра было человек двести: родители, дети с папками рисунков, учителя, фотографы, сотрудники фонда. На сцене меняли табличку после награждения, ведущая просила победителей не расходиться, официанты выставляли сок и пирожные на длинные столы. Я держала куртку Майи, её рюкзак и пластиковую папку с рисунками, злилась на сломанный замок гардероба и думала, где найти туалет перед дорогой домой. Нормальные мелочи. Хороший день. У моей дочери первое место на городском конкурсе, она сияет, хотя изо всех сил делает вид, что награда ей «ну, норм». А потом у сцены появился мужчина в тёмном костюме, и у меня похолодели ладони.

Лев Артемьев изменился. Конечно, изменился. Ему теперь тридцать три, не двадцать три. Плечи шире, лицо жёстче, на виске едва заметная светлая полоска — раньше её не было. Костюм сидел на нём так, как десять лет назад не сидела ни одна его вещь. Тогда у Льва было две рубашки, джинсы с потёртым карманом и куртка, которую он носил три зимы. Сейчас к нему подходили мужчины с бейджами организаторов, пожимали руку, что-то быстро говорили, а он отвечал коротко и спокойно. На стене за его спиной висела надпись: «Центр построен при поддержке группы компаний “Артемьев”». Я эту фамилию видела, когда заполняла анкету на конкурс, но даже не подумала. Артемьевых в Москве тысячи. Мир не обязан каждую вывеску превращать в ловушку.

— Мам, сфотографируй меня ещё раз, — потребовала Майя и ткнула дипломом мне в плечо. — Только нормально. В прошлый раз у меня глаза закрыты.

Я не ответила. Дочь проследила за моим взглядом и повернулась к сцене. Именно тогда Лев увидел меня. Он разговаривал с директором центра, улыбался чему-то, и лицо у него изменилось на середине этой улыбки. Никаких красивых пауз не было. Он запнулся на слове, перестал слышать мужчину рядом и посмотрел на меня так, что я снова оказалась в той съёмной комнате с облупленной батареей, дешёвым чаем и положительным тестом в кармане халата.

Я могла уйти. Двери находились за спиной, до них метров двадцать. Взять Майю за руку, вызвать такси, потом объяснить дочери, почему мама внезапно испортила её лучший день за весь учебный год. Но я не двинулась. Ноги не слушались, да и надоело убегать. Я уже один раз уехала из Москвы с одним чемоданом, двумя тысячами рублей и ребёнком, о существовании которого знала только по двум полоскам на тесте. Второй раз бежать от него я не собиралась.

Лев сделал шаг. Потом ещё один. Директор центра что-то сказал ему вслед, но он не обернулся. Я видела, как его взгляд скользнул по моему лицу, волосам, руке с обручального кольца там, конечно, не было, а потом дошёл до Майи. Дочь стояла боком, рассматривала

диплом и ковыряла ногтем угол ламинации. Серые глаза с тёмным ободком, густые брови, тонкий нос, маленькая родинка под левым ухом. Родинка моя. Всё остальное сейчас было его.

Лев остановился так резко, что идущая сзади женщина едва в него не врезалась. Он извинился, пропустил её и снова посмотрел на Майю. Мне стало дурно от выражения его лица. Не потому, что я жалела. Жалость к нему в тот день была последним, что могло во мне проснуться. Но десять лет я представляла эту встречу в самых разных вариантах. Иногда он ничего не понимал. Иногда понимал и начинал требовать. Иногда я проходила мимо с высоко поднятой головой и чувствовала себя победительницей. Ни разу в моих фантазиях Лев не выглядел человеком, которому одним взглядом вывернули жизнь наружу.

— Ась... — выдохнул он, когда подошёл достаточно близко.

Майя подняла голову на незнакомого мужчину, потом на меня. Она не любила, когда взрослые называли меня сокращённым именем без разрешения. Считала это фамильярностью и однажды отчитала моего редактора за «Асеньку». Сейчас промолчала, потому что заметила моё лицо.

— Поздравляю с центром, — сказала я. Голос звучал нормально. Даже это удивило. — Хорошее место.

Лев не услышал комплимент. Он смотрел на дочь. Так откровенно, что Майя нахмурилась и прижала диплом к груди. Я сделала полшага, встала между ними не полностью, но достаточно, чтобы он понял.

— Мам, вы знакомы? — спросила Майя, переводя взгляд с него на меня.

Слово «мам» ударило Льва сильнее любой пощёчины. Я увидела. Он опустил глаза, провёл ладонью по подбородку, потом посмотрел на меня. В его лице наконец появился вопрос, хотя ответ он уже знал.

— Учились вместе, — сказала я дочери. — Очень давно.

— А, — протянула она. — Тогда понятно, почему он так смотрит.

У меня нервно дёрнулся угол рта. Майя не умела чувствовать неловкость там, где другие люди давно провалились бы сквозь пол. Она протянула Льву диплом. Не из дружелюбия, а потому что взрослый мужчина продолжал смотреть на неё и ей хотелось понять, что ему нужно.

— Я первое место взяла. Если вы мамин старый знакомый, можете поздравить.

Лев посмотрел на лист, где крупно было написано: «Майя Асеева». Фамилия моя, ещё девичья. Я вернула её после рождения дочери, хотя замуж никогда не выходила. Он прочитал имя. Губы шевельнулись, но звука не было.

— Поздравляю, Майя, — произнёс он наконец. Голос стал ниже. — Это... очень круто.

— Спасибо, — серьёзно ответила дочь. — Мам, пойдём? Я есть хочу.

Я кивнула. Лев дёрнулся, как человек, которого выдернули из воды за волосы.

— Ася, подожди.

— Не сейчас.

— Тогда когда?

Вопрос был неправильным. Он всё ещё говорил со мной так, как говорил десять лет назад, когда считал, что у нас есть общее завтра и можно договориться о времени. Я посмотрела ему в глаза и впервые за весь этот день почувствовала злость. Живую, горячую, очень старую.

— Ты уже назначил время десять лет назад, Лев. Я пришла тогда вовремя.

Майя переводила взгляд между нами и явно понимала, что «учились вместе» — версия для детей помладше. Я взяла её куртку, перекинула рюкзак через плечо и направилась к выходу. Лев догнал у дверей. Не схватил, не загородил дорогу. Встал сбоку и тихо спросил то, ради чего шёл через весь зал.

— Сколько ей лет?

Я остановилась. Майя уже натягивала куртку и ругалась на заевшую молнию. До её десятого дня рождения оставалось три месяца. Лев умел считать. Всегда умел.

— Девять, — ответила я.

Он побелел. Взгляд опять нашёл её лицо, потом вернулся ко мне.

— Она моя?

Вот и всё. Десять лет уложились в два слова.

Я подошла ближе, чтобы Майя не услышала. От Льва пахло дорогим парфюмом и морозным воздухом с улицы. Когда-то его куртка пахла табаком соседей по подъезду, кофе из автомата и дешёвым мылом. Мне стало физически плохо от того, как легко тело помнит человека, которого голова давно похоронила.

— У тебя был шанс стать её отцом десять лет назад, — сказала я тихо. — Ты сам от него отказался.

И вышла, пока у меня ещё хватало сил не обернуться.

Глава 2

Когда я сказала Льву, что беременна, он сначала решил, что я шучу. Вот это я помню особенно хорошо. Не ужас, не его будущую фразу, не свой побег. Первые несколько секунд. Он сидел на подоконнике нашей съёмной комнаты, ел лапшу из коробки и смеялся, потому что я стояла перед ним с таким лицом, с каким обычно сообщала, что опять потеряла ключи или забыла оплатить интернет.

Нам было двадцать один и двадцать три. За комнату в старой трёшке на окраине мы отдавали половину моих денег и почти всю его подработку. Я заканчивала институт и рисовала макеты для маленького издательства. Лев днём работал помощником сметчика, вечером разгружал машины на складе, а ночью строил планы, как через пять лет у него будет собственная компания. Я верила каждому слову. Мне вообще тогда удивительно легко верилось в него.

— Не шучу, — сказала я и положила тест на стол рядом с его лапшой.

Он перестал жевать. Взял пластиковую полоску, повернул одной стороной, другой, как если бы от угла обзора мог появиться иной результат. Потом спросил, насколько это точно. Я объяснила про задержку, второй тест утром, анализ, который сдала в лаборатории. Результат пришёл час назад. Я ещё не была у врача. Срок маленький. Мне было страшно, но под страхом жило счастье, тихое и упрямое. Я не планировала ребёнка. Не знала, как мы справимся. Но когда увидела цифру ХГЧ в письме, первой мыслью стало: «У нас будет малыш». У Льва первой мыслью оказалось другое.

Он встал и начал ходить по комнате. Пять шагов от окна до двери, четыре обратно. За стеной хозяйский сын играл на гитаре одну и ту же песню, батарея щёлкала, на сушилке висели мои колготки. Лев спросил про деньги. Про мою учёбу. Про его работу, с которой его могли сократить в конце месяца. Я отвечала. Да, денег мало. Да, диплом через четыре месяца. Да, придётся тяжело. Чем дольше мы говорили, тем сильнее уходило то маленькое счастье, с которым я пришла домой.

— Ась, мы не вывезем, — сказал он наконец. — Ты понимаешь? У нас долг за комнату, у меня мать опять по врачам, тебя через месяц на практику выгонят. Где ребёнок будет жить? Тут?

Я смотрела на него и ещё пыталась услышать в словах «мы не вывезем» будущий план. Сейчас он выругается, потом обнимет, мы сядем и начнём считать. Сколько стоит кровать. Что можно купить с рук. Где я смогу работать из дома. Молодые люди часто бывают глупыми, но я почему-то была уверена, что любовь делает их смелее.

— Я не спрашиваю, удобно ли нам, — сказала я. — Я говорю, что беременна.

Лев остановился у двери. Лицо у него стало жёстким от страха. Тогда я не умела распознавать этот страх. Мне показалось, что он злится.

— Сделай аборт.

Я даже переспросила. Тихо, потому что не поверила.

— Что?

Он провёл руками по волосам и выдохнул. Наверное, хотел сказать иначе. Наверное, уже пожалел. Но некоторые фразы живут дольше людей, которые их произнесли.

— Нам этот ребёнок сейчас не нужен, Ася.

Гитара за стеной не замолчала. На плите у соседки закипел чайник. Кто-то прошёл по коридору и хлопнул дверью ванной. Никакой мир не рухнул. Я стояла в двух метрах от мужчины, с которым собиралась прожить жизнь, и чувствовала, как в ладони впиивается край телефона.

— Мне нужен, — ответила я.

Он что-то говорил. Про то, что через пару лет всё будет иначе. Про квартиру. Про нормальную работу. Про то, что мы ещё родим детей, когда сможем их обеспечить. Я уже не слышала смысла. Только рот двигался, знакомые руки жестикулировали, а у меня перед глазами был тест на столе рядом с коробкой лапши.

Я не устроила истерику. Это пришло позже, в электричке. Тогда я сняла с крючка куртку и сказала, что поеду к маме. Лев попытался удержать разговором, не руками. Просил не принимать решение на эмоциях. Ирония этой просьбы до сих пор иногда вызывает у меня горький смех.

— Решение уже принял ты, — ответила я. — Я только услышала.

Мама жила в Рязани. Мы поругались за месяц до этого, потому что она считала Льва «мальчиком без почвы под ногами» и предлагала мне после диплома вернуться домой. В тот вечер она не сказала «я же говорила». Увидела меня на пороге, мокрую от снега, с рюкзаком и лицом после трёх часов плача, молча поставила чайник и постелила диван.

Лев звонил. Первые сутки без остановки. Я не отвечала. Потом номер перестал работать — мама настояла, чтобы мы поменяли сим-карту. Я была зла и согласилась. Через неделю мы уехали к тёте Инне в Нижний Новгород, потому что мама боялась, что Лев приедет. Я не спрашивала, приезжал ли. Мне было двадцать один, я носила под сердцем ребёнка, которого любимый мужчина назвал ненужным, и весь мой мир состоял из желания защитить хотя бы одного из нас.

Майя родилась в июне. Волосы у неё были тёмные, пальцы длинные, а глаза первые недели казались синими. Я смотрела на неё в роддоме и не понимала, как кто-то мог произнести про неё «не нужна». Даже если тогда она была размером с маковое зерно. Даже если мы жили в чужой квартире и я дорабатывала диплом с ребёнком на руках.

С годами злость стала тише. Не ушла. Осела где-то глубоко, как песок на дне банки. Я рассказала Майе, что её отец и я расстались до её рождения. Никогда не говорила, что он умер, не придумывала героя-полярника или лётчика. Когда она была маленькой, отвечала: «Мы не смогли остаться вместе». Позже добавила: «Он был не готов стать папой». Этого ей хватало до сегодняшнего дня.

В такси после детского центра Майя молчала семь минут. Для неё это рекорд. Потом сняла шапку, взъерошила волосы и посмотрела на меня тем самым тяжёлым взглядом Льва.

— Он мой отец?

Я повернулась к окну. Москва проплывала за стеклом мокрыми вывесками и мартовской кашей под колёсами. Десять лет я готовилась к этому разговору. В реальности ни одной заготовленной фразы не подошло.

— Почему ты так решила?

— Потому что я не тупая, мам. Он спросил, сколько мне лет. Потом у него было лицо, как у нашей классной, когда она увидела таракана в учительской. И ты сказала про шанс стать отцом.

Такси остановилось на светофоре. Водитель сделал музыку тише, видимо, тоже понял, что у нас семейная катастрофа, и теперь мужественно делал вид, что его нет.

— Да, — сказала я. — Лев твой биологический отец.

Майя долго смотрела на свои кроссовки. Потом спросила, знает ли он. Я ответила, что теперь знает. Следующий вопрос оказался хуже.

— А до сегодня?

— Нет.

— Ты ему не сказала, что я родилась?

В её голосе не было обвинения, но я услышала его сама. Наверное, потому что много лет задавала себе тот же вопрос.

— Нет. После нашего разговора я уехала. Он знал о беременности. Дальше мы не общались.

Майя кивнула, но не приняла объяснение. Дома она ушла в свою комнату, закрыла дверь и отказалась ужинать. Я не ломилась следом. Сделала чай, села на кухне и впервые за много лет нашла в интернете Льва Артемьева.

Статей было много. Компания, интервью, строительство школ, деловые рейтинги, фотографии с форумов. Женат не был. Детей нет. Последняя строчка рассмешила так зло, что пришлось закрыть ноутбук.

Телефон завибрировал через минуту. Письмо пришло на рабочую почту, адрес которой легко находился на моём сайте иллюстратора. От: Лев Артемьев.

«Ася. Я не буду приезжать и пугать Майю. Не стану ничего делать за твоей спиной. Мне нужно двадцать минут. Только с тобой. Скажи где и когда. Пожалуйста».

Я прочитала дважды. Потом удалила письмо. Через пять минут достала его из корзины.

Глава 3

Майя не пошла в школу на следующий день. У неё разболелся живот — настоящий, не выдуманный. Я знала разницу. Она лежала на диване, поджав колени, смотрела мультики без звука и каждые несколько минут проверяла телефон, хотя никто ей не писал. Я отменила утренний созвон, сварила овсянку и решила, что разговор откладывать нельзя. Тайны удобны взрослым. Детям от них только страшнее.

Мы сели на кухне. Майя ковыряла ложкой кашу и ждала. Я рассказала ровно столько, сколько могла выдержать девятилетняя девочка: мы с Левом были молодыми, любили друг друга, жили бедно, я забеременела. Он испугался и сказал, что ребёнок ему не нужен. Я уехала. Не рассказала о родах. Потом жизнь пошла дальше.

— Он сказал, что я ему не нужна? — спросила Майя.

Вот почему никакие взрослые формулировки не спасают. Можно говорить «не был готов», «боялся ответственности», «не справился». Ребёнок слышит ядро.

— Он сказал, что ребёнок нам сейчас не нужен, — ответила я. — Это было ужасно. И неправильно. Но он говорил про ситуацию, которую не умел вынести. Он тебя не знал. Тебя ещё никто не знал, даже я.

Майя отвернулась. На холодильнике висел её рисунок с тремя котами, которые летят в космос на чайнике. Мне захотелось снять его, прижать к груди и доказать всем мужчинам двадцатитрёхлетнего возраста, что вот это они предлагают уничтожить, когда пугаются денег и жизни. Глупое желание. Лев давно не был тем парнем. Только фраза осталась прежней.

— А почему он не нашёл нас потом?

Я не знала. Именно это признала.

— Я уехала. Поменяла телефон. Мама помогла. Я не хотела, чтобы он находил.

— А он хотел?

— Не знаю, Май.

Она наконец подняла глаза.

— Спроси.

Я усмехнулась без веселья.

— Это не контрольная, где мне надо собрать ответы.

— А мне надо.

В этой фразе не было детского каприза. Дочь имела право на ответы, которые я десять лет могла не искать. И тут мы упёрлись в неприятную вещь: мой отказ знать больше не касался только меня.

Я написала Льву сама. Не из корзины письма, а коротко в ответ: «Сегодня в пять. Кафе на Малой Дмитровке. Двадцать минут». Он ответил через три минуты: «Буду».

К пяти я уже жалела. Оставила Майю с тётей Инной, которая приехала к нам на пару дней из Нижнего. Она знала, что мы встретили Льва. Села на диван, выслушала и сказала только: «Ну вот». Это «ну вот» мне не понравилось, но времени спорить не было.

Лев ждал у окна. Без костюма, в тёмном свитере и куртке, которую снял и повесил на спинку стула. Перед ним стоял нетронутый кофе. Когда я вошла, он поднялся. Я отметила идиотские детали: седой волос у правого виска, царапину на костяшке, часы, которые стоили, вероятно, дороже моей машины. Затем заставила себя сесть.

— Двадцать минут, — напомнила я.

— Я понял.

Он не пытался коснуться. Даже руку не протянул. Заказал мне чай, когда официант подошёл, а потом спросил, можно ли посмотреть фотографию Майи. Это выбило сильнее, чем если бы начал требовать встречи.

— Ты вчера насмотрелся.

— Вчера я ничего не соображал.

Я открыла телефон и показала одну фотографию с конкурса. Майя в белой рубашке, волосы в хвосте, диплом прижат к груди, рот растянут в редкой широкой улыбке. Лев взял мой телефон двумя руками. У него задрожали пальцы. Он смотрел долго. Мне стало неудобно от собственного желания отобрать экран и одновременно дать ему листать всю галерею с рождения.

— Когда она родилась?

Я назвала дату. Он закрыл глаза. Посчитал.

— Здоровая?

— Да.

Лев провёл пальцем по краю чашки. Следующий вопрос дался ему заметно труднее.

— Всё было нормально?

— Нет. На восьмом месяце давление, кесарево на тридцать седьмой неделе. Две недели мы провели в больнице.

Лев побледнел. Телефон вернул очень бережно.

— Ты была одна?

— Мама и тётя Инна помогали.

Он провёл ладонью по лицу. Я видела, как в нём поднимается вопрос, и опередила.

— Ты хотел знать, почему я не сообщила? Потому что после фразы «сделай аборт» я не считала тебя человеком, которому должна писать из роддома.

— Я знаю.

— Нет, Лев. Ты не знаешь. Ты не лежал ночью и не считал шевеления, боясь, что ребёнок перестал двигаться. Не выбирал кровать на сайте с четырьмястами рублями на карте. Не слышал, как мама говорила соседке, что отец ребёнка «не участвует», потому что ей было стыдно сказать правду.

Он не оправдывался. Это раздражало ещё сильнее. Я пришла готовая отбиваться от «я был молодой», а Лев сидел и принимал каждое слово.

— Я искал тебя, — сказал он, когда я замолчала.

Чай обжёг язык. Я поставила чашку.

— Когда?

— На следующий день приехал в Рязань. Адрес помнил. Твоя мама меня не пустила. Я рассмеялась. Не поверила.

— Мама бы мне сказала.

— Она сказала мне другое. Что ты сделала аборт. И что я получил то, чего хотел.

Мне стало холодно. Кафе было тёплым, батарея под окном жарила так, что стекло запотело, а я сидела и смотрела на него.

— Врёшь.

Лев не вздрогнул.

— Я приезжал ещё пять раз. Дважды в Рязань, потом в Нижний, когда узнал про твою тётю. Она тоже со мной не разговаривала. Я писал на старую почту. Письма возвращались. Потом твоя мама позвонила сама и сказала, что ты просишь оставить тебя в покое.

— Моя мама умерла три года назад, — сказала я тихо. — Очень удобно теперь всё свалить на неё.

— Я не сваливаю. Я мог искать дольше. Мог не поверить. Мог найти через год, через два. Не сделал. Это моя вина. Но я десять лет думал, что ребёнка нет.

Я встала. Двадцать минут закончились. Лев тоже поднялся, но не удерживал.

— Майя спросила, хотел ли ты нас найти, — сказала я. — Я пришла за ответом. Получила. Дальше не знаю.

Он смотрел на меня так, как десять лет назад не смотрел ни разу. Без уверенности, что можно договориться.

— Я хочу её увидеть. Когда ты решишь, что можно. На любых условиях.

— А если я не решу?

Лев медленно выдохнул.

— Тогда я буду ждать. Но исчезнуть снова не смогу.

Я вышла из кафе и набрала тётю Инну ещё на тротуаре. Она ответила бодрым голосом, спросила, купить ли хлеб. Я не поздоровалась.

— Лев приезжал к вам десять лет назад?

На том конце стало тихо. И этого молчания мне хватило.

Глава 4

Тётя Инна не врал. Это было хуже. Она села на моей кухне, обхватила кружку ладонями и рассказала, как Лев действительно приезжал в Нижний. Дважды. Первый раз стоял у подъезда до поздней ночи, второй оставил записку в почтовом ящике. Мама попросила Инну ничего мне не говорить. Я была на шестом месяце, давление уже начинало скакать, плакала от одного упоминания Москвы. Они решили, что защищают меня.

— От чего? — спросила я. — От информации?

Инна поморщилась.

— От него. Мы видели, в каком состоянии ты приехала. Твоя мать его ненавидела. Я не так категорично, но спорить с Галей тогда было бесполезно.

— И вы обе решили, что мне не обязательно знать, что отец моего ребёнка стоит под подъездом?

Инна опустила глаза в кружку. Оправдываться ей самой уже было неловко.

— Ась, тебе был двадцать один год.

— Именно. Я была взрослой достаточно, чтобы родить, но недостаточно, чтобы самой решить, говорить с ним или нет?

Майя сидела у себя и делала уроки, поэтому мы говорили тихо. Я не хотела втягивать дочь в разбор старых семейных решений. Меня трясло. Не от того, что Лев вдруг оказался невиновным. Невиновным он не был. Его слова никто за него не произносил. Но моя аккуратная история последних десяти лет дала трещину. Я привыкла считать, что сообщила о ребёнке, услышала приговор и исчезла, а Лев пожал плечами и пошёл строить империю. Оказалось,

между этими точками было ещё несколько дверей, у которых он стоял, и женщины моей семьи эти двери не открыли.

Инна призналась, что мама сказала ему про аборт. Сама. По телефону. Лев после этого замолчал на несколько недель, потом прислал письмо. Мама письмо порвала. Инна видела конверт, текста не читала.

— Почему ты мне сейчас рассказываешь?

— Потому что Майя его увидела. Дальше врать глупо. И потому что Гали уже нет, а я устала таскать её решения как священные.

Я встала, открыла окно. В квартиру ворвался мартовский холод. На подоконнике стояла чашка Майи с кистями, одна была засохшая, хотя я десять раз просила мыть после гуаши. Обычная жизнь удерживала лучше любых успокоительных.

— Он просит встретиться с Майей.

Инна посмотрела внимательно.

— А Майя чего хочет?

Вот единственный правильный вопрос. Ни я, ни Лев, ни память о маме. Майя.

Вечером я постучала в её дверь. Дочь сидела за столом, рисовала чёрным маркером какого-то многоглазого кота и слушала музыку в одном наушнике. Я рассказала, что встрети-лась с Левом. Что он пытался найти меня после отъезда. Что бабушка сказала ему неправду про беременность. Не стала делать из мамы злодейку. Она любила меня. Иногда любовь делает людей такими же опасными, как страх, если им кажется, что они лучше знают, что тебе нужно. Майя слушала хмуро.

— Он хочет меня увидеть?

— Да.

— А ты?

Я села на край кровати.

— Я боюсь.

— Что он меня украдёт?

— Нет. Что ты привяжешься. Что он не выдержит. Что тебе будет больно. Что мне будет больно. Выбери любой вариант.

Она подумала и сняла второй наушник.

— Я уже знаю, что он есть. Если я его не увижу, я всё равно буду думать. Это лучше?

Нет. Не лучше.

Мы договорились о встрече в субботу днём в кафе рядом с парком. Один час. Я буду рядом. Майя может уйти в любой момент. Она сама выбрала условия и потом полвечера решала, что надеть. От этого у меня ломало виски: ребёнок готовился знакомиться с отцом так же, как готовился бы к новой школе.

Лев пришёл первым. Без подарков. За это я мысленно поставила ему первый плюс и тут же разозлилась на себя за систему оценок. Майя заметила его через стекло, остановилась у входа и сжала мою руку.

— Он страшный немного.

— Он нервничает.

Майя снова посмотрела через стекло. Любопытство у неё быстро победило тревогу.

— Богатые тоже нервничают?

— Представь себе.

Мы вошли. Лев поднялся. На нём были джинсы, обычный серый свитер, никаких деловых людей вокруг. Майя села напротив. Я — сбоку. Первые минуты оказались мучительными. Он спросил, хочет ли она какао. Она сказала, что кофе с молоком. Я напомнила, что ей девять. Майя закатила глаза. Лев неожиданно улыбнулся, и я увидела старого парня с подоконника, который мог смеяться так, что у него появлялась ямка на левой щеке.

Майя тоже увидела. У неё такая же. Она перестала крутить салфетку и спросила без подготовки:

— Ты не знал, что я родилась, или не хотел, чтобы я родилась?

Лев побледнел. Я напряглась всем телом, но не вмешалась. Это её вопрос. Он не спрятался за взрослые слова.

— В тот вечер я испугался и сказал твоей маме, что ребёнок нам не нужен. Это был ты. То есть тогда я ещё не знал, что девочка и что тебя зовут Майя. Но да, я сказал, что не хочу ребёнка.

Майя смотрела на него не моргая.

— А потом?

— Потом пожалел. На следующий день уже пожалел. Искал маму. Мне сказали, что беременности больше нет. Я поверил. Не должен был так легко верить, но поверил.

— Почему ты не женат?

Я едва не поперхнулась чаем. Лев тоже явно не ожидал перехода.

— Не сложилось.

— Из-за мамы?

— Майя, — предупредила я.

Лев поднял ладонь, показывая, что справится.

— Не только. Но после неё я много чего делал неправильно. Наверное, долго не умел строить нормальную жизнь.

Дочь помолчала. Потом достала из рюкзака блокнот и показала рисунки. Не потому, что простила. Я знала Майю. Когда ей надоело говорить о чувствах, она переключилась на безопасную тему. Лев понял и не возвращал разговор обратно. Он смотрел каждый лист, спрашивал про материалы, честно признался, что не умеет рисовать даже дом. Майя засмеялась. Через сорок минут я впервые за десять лет увидела его рядом с дочерью и не могла решить, что сильнее: злость за украденные годы или страх от того, насколько естественно они сидят напротив друг друга. Когда час закончился, Майя сама напомнила.

— Мам сказала, один час.

— Значит, один, — согласился Лев и встал. — Спасибо, что пришла.

Он не просил следующей встречи при ней. На улице Майя шла молча до самого дома. Потом сказала:

— Он мне понравился.

Я остановилась.

— Это не предательство меня, Май.

— Я знаю. Я не это хотела сказать.

— А что?

Она подтянула рюкзак выше.

— Мне от этого ещё обиднее. Если бы он был козёл, было бы легче.

Я рассмеялась и тут же расплакалась. Потому что ровно то же самое думала сама.

Глава 5

После первой встречи Лев не позвонил ни мне, ни Майе. У него вообще не было её номера, и это оказалось неожиданно важным. Он написал одно письмо на рабочую почту: «Спасибо. Если она захочет ещё увидеться, скажи. Сам навязываться не буду». Я перечитала несколько раз и закрыла ноутбук. Хотелось придраться даже к вежливости. Поздно научился уважать чужие границы. Потом поймала себя на том, что жду от него ошибки, потому что ошибка вернёт знакомый порядок: он плохой, я права, Майю надо защищать. Удобная схема. Жизнь почему-то отказалась ей подчиняться.

Майя продержалась три дня. В среду, когда мы ужинали макаронами с сыром и обсуждали её контрольную по математике, она спросила, можно ли встретиться с Левом в воскресе-

ные. Не «с папой». Имя пока давалось легче. Я сказала, что можно, и написала ему при ней. Он ответил, что освободит день и пусть Майя сама выберет место.

Она выбрала музей космонавтики. Её последние полгода занимали чёрные дыры, Марс и вопрос, можно ли жить на Европе под ледяной коркой. Я ненавидела естественные науки ещё со школы и уже представляла, как три часа буду читать подписи к ракетным двигателям, когда Майя объявила, что хочет пойти с Левом вдвоём.

— Нет, — ответила я слишком быстро.

Дочь отложила вилку.

— Мам, я не маленькая.

— Тебе девять.

Майя поставила кружку на стол. Отступать от своей идеи она явно не собиралась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.